

Год защитников Отечества

О героях былых времён...

«Магнитогорский металл» продолжает специальный проект, главные герои которого – люди, подарившие нашей стране Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов

В новом проекте мы рассказываем о тех, кого заслуженно причисляют к поколению победителей. Ветеранов Великой Отечественной войны, к сожалению, становится меньше с каждым годом, каждым месяцем, каждым днём. И тем ценнее живые воспоминания

каждого участника тех далёких и одновременно таких близких событий. Это реальная, не киношная и не книжная история нашей страны, из уст тех, кто преодолел себя и выиграл священную войну за свободу и мирную жизнь своих детей, внуков, правнуков.

Судьба

Она родилась в 1928 году в многодетной семье Сайфуллиных в селе Урляды Верхнеуральского района Челябинской области. Жили вдвоем: родители, бабушка и шестеро детей, среди которых Зибаржат была предпоследней.

Когда началась война, Зибаржат было 13 лет. На фронт ушли дети Сайфуллиных: старшего по зрению определили в трудовую бригаду, ещё двое сыновей ушли добровольцами в 17 лет. Один стал лётчиком, прошёл, а вернее – пролетал, всю войну и вернулся домой, прожил 89 лет. Вторым был танкистом и погиб в 1945 году за месяц до конца войны.

Будучи подростком, Зибаржат работала в колхозе – собирала пшеницу за комбайном. Но хрупкая девочка не справлялась и не успевала ловить зерно в мешки. Тогда её сделали плугарем. Нужно было чистить плуг от налипшей сырой земли. Девочку привязывали к плугу, чтобы она не попала под него. А потом пришла разрядка: в город нужно было отправить из колхоза двенадцать человек.

– Так в 15 лет меня вызвали на учёбу в школу фабрично-заводского обучения в Магнитогорске, где готовили рабочие кадры для металлургического комбината, – рассказывает ветеран. – Жили в общежитиях на Дзержинке – каменных бараках, в одной комнате до сорока человек. Группы в ФЗО были по 36 учеников, я в своей – самая младшая по возрасту. За полгода освоила работу обмотчика – перематывали моторы. Потом начали нас распределять: кого мотористом на РОФ, кого в слесари или стрелочники, в сборщики роликов.

В итоге осталось шестеро самых

Зибаржат Задыбаева

«Мы работы не боялись»

Зибаржат Задыбаева во время войны трудилась на ММК, даже не подозревая, какую важную продукцию производит для Родины

шустрых да смыслёных, среди них Зибаржат и две её сестры. Им доверили работать на станках в механическом цехе. Чтобы девочки не ступили ноги, на бетонный пол ставили деревянные мостки. И объяснили: будете точить запчасти для машин – экскаваторов, бульдозеров, буровых установок. Всё должно быть чётко – на каждую деталь была схема, чертёж и матрица-плансон. Слово «плансон» девушка долго не могла запомнить – уж больно сложное, непонятное, мудрёное.

– Однажды мастер Феня (тоже девочка, немногим старше меня) отправила меня в инструменталку поменять плансон на новый, – рассказывает женщина. – Пока шла – слово забыла. Ну и вылепила там мужиком: «Мне платформа нужна». А мужики смеются: «Выйди из цеха, там под погрузкой на железной дороге и стоит платформа – возьми». Пришлось схитрить: взять старый плансон и с ним, как с образцом, идти опять. Зато всю жизнь это слово помню (смеётся).

Эта история – показатель того, что детвора (а что такое девочка 16–17 лет) толком и не понимала, что и для чего они делают. Да и не объясняли им, потому что есть такое понятие, как военная тайна. И только после войны Зибаржат узнала, что точили они детали для снарядов и военной техники. А тогда была одна задача: не упасть в обморок от усталости – работали

по двенадцать часов. Потом пока в душевую, переодеться, в столовую – что там остаётся на то, чтобы поспать?

На отдых – двенадцать часов, а потом снова на смену. Организм детский, восстанавливаться не успевали

Рукава были завязаны, ворот застёгнут наглухо – чтобы стружка не попала. Но порой за малолетками не углядишь: однажды парнишка надел сверху фуфайку – озяб, – и свободный рукав затянуло в станок. Серьёзно поранился.

Война закончилась, но молодых людей с комбината убирать не торопились. Да и сами они не спешили уходить: рабочая карточка позволяла неплохо питаться. И профессия уже есть. Так девушка станочником и проработала... до 1959 года. Занималась общественной работой, состояла в профкоме. В сорок девятом вышла замуж – супруг работал на комбинате, на руднике бульдозеристом. Родился сын.

А потом Зибаржат Задыбаева решила поменять сферу деятельности и ушла в торговлю, где и проработала до пенсии. С мужем душа в душу прожили шесть с половиной десятков лет. Сына потеряли рано – погиб в тридцать лет. Но остались две внучки, есть три правнука и праправнучка.

– Мой внук уже семь лет как дедушка, – с гордостью говорит Зибаржат Гайнуловна. – Родня меня не бросает: постоянно навещают, интересуются здоровьем, помогают.

Кажется, и сама ветеран в свои 97 лет бодрячок. Да, плохо слышит,

один глаз не видит, но сама себя обслуживает, готовит еду. Не так давно «завязала» с рукоделием: много лет вышивала, вязала крючком и спицами – и не только для себя, для души, но и участвовала в городских выставках творчества. А память – позавидовать можно. С лёту вспомнила песенку, что напевали, обучаясь в ФЗО:

*ФЗО ты ФЗО, чем тебя
вспомнешь,
Утром встанешь – хлеба нет,
песенку затянешь.
Скоро кончится война –
пойдут ребята ротами,
Я своего милого встречу
за воротами.*

*Девочки-девоночки,
не будьте
гордоватые,
Любите
раненых ребят,
они
не виноватые.*

Зибаржат Задыбаева

© Евгений Рухмалёв

Художественная летопись

Нина Кондратковская.
«Граната» (16+)

Продолжение.
Начало в № 16
за 4.03.2025

– Тётя Луша! В шестом «а» – граната, не надо давать звонок. Лежит на столе лимонка. Я второй этаж предупредила.

– Ах он, паразит! – тётя Луша быстро – она всё делает скоро – берёт колокольчик, заматывает тряпкой чайку внутри, подвешенную проволокой вместо языка, суёт мне, – держите, чтоб не брякнул. Идите, скажите первому этажу, чтоб из классов не выпускали, пужните.

– Ах, паразит...

Смотрю вопросительно: кто?

– Кто-кто? Хорёк, известно кто. Убёг. Хорёк и есть, – и добавляет. – Душной (значит, вонючий, по-сибирски).

Пока я объявляю, тётя Луша уже усадила в гардеробной дежурить школьницу («Никого не пушай!»), в руках у неё ржавое, помятое ведро. Сама в валенках, трижды латанных и подшитых, в длиннополном зим-

Нина Кондратковская

Невыдуманнные истории

Никто не расскажет о Магнитке военных лет лучше тех, кто в ней тогда жил и работал

нем салопе и шалёнке. Наказывает мне постоять у входной двери («Да оденься, Григорьевна, тама продует»). Я надеваю зимнее пальто, поднимаю большой енотовый, ещё довоенный, воротник и дежурю – как бы кто не хлопнул пружиной.

Очень быстро спускается тётя Луша со второго этажа – и у меня холодеют затылок и живот внизу. Она в левой руке на отлёте бережно несёт ведро, из него выглядывает вязаная тряпка и что-то грязно-синее. Догадываюсь: взяла с вешалки чей-то платок поплосше и помягче, подобие выношенного шарфика. И несёт гранату-лимонку. А правая рука поднята, пальцы скручены в кукиш. Потом дошло: отпугивает нечистую силу.

Она кивает молча на пружину, я придерживаю дверь и выхожу вслед. Ветрено, холодно, скользко.

Намёрзли вавилоны на обочинах, тропинки – застывшие следы по талому снегу, скользко. Я иду за тётей Лушей, зажимая в руке гайку школьного колокольчика, хотя сейчас уже не страшно. Можно звонить и топтать. Но я иду. Тётя Луша – по щиколотки в снеговом прахе. Я тоже за ней по обочине, хотя лучше по тропинке. Я в туфлях, мои валенки в школе, шапка тоже. Только воротник поднят. Я бреду по сухому снегу, черпая туфлями, чулки тоже в снегу. Но напряжение не отошло, и я только понимаю, что холодно, но не мёрзну.

За школой – тропинка мимо огорода и кусок дороги к большому угрюмому зданию. Там тюрьма. Высокий забор с колючкой наверху. В стене забора дверь. Пока скольжу по ледяной дороге в туфлях с очень скользкими, будь они неладны, подошвами, тётя Луша уходит далеко. Она уже у двери разговаривает с одинаковыми людьми в шинелях.

Я останавливаюсь – мне там нечего делать. Но не ухожу, жду. Выходят трое, берут ведро и идут влево, на пустырь, к оврагу. Мы там осенью собирали шампиньоны. Овраг вроде окопа или щели. Мы такие рыли за городом. Тётя Луша бежит ко мне, машет: ложись! Но на обочинах – целые стены серого от гари снега. И мы не ложимся, а падаем. Головы прячем, как страусы, ждём. Чего ждём? Хочу выглянуть, но тётя Луша вжимает меня крепкой рукой в снег. И ничего не говорит. А мне интересно. Уже не страшно, поэтому интересно и уже холодно ногам и рукам – я без варежек, хотя они где-то в кармане.

Тут вся земля, с сугробами, с нами, вздрагивает и – ба-бах! – взрыв. Всё! Можно вставать, но вдруг ещё бабахнет? Ещё не может быть: граната одна. И тётя Луша уже скачет по рыхлой снежной целине напрямик к тем трём. Жестикуют, требуют. Чего? А, вот один в подоткнутой

шинели делает пробежку туда, где щель, приносит ведро.

Мы идём в школу. В одной руке у тети Луши ржавое, мятое ведро с тряпьем.

– Шебалы ребячьи. С вешалки. Возвратить надоть. Инвентарь тоже. Общественный предмет, ведро-то.

И тут я замечаю: правая рука показывает воинственно кукиш.

– А это зачем?

– Теперча можно не казать. Теперча лимонки нету.

И она засовывает руку в карман. А на школьном крыльце обивает снег и крепко хлопает дверью с тугой пружиной.

– А энтот, как его по фамилии, Дегтярёв пришёл?

Дежурная девочка мотает головой.

– Сдрейфил Хорёк... Как хорёк, – поправляется она.

– Звени, давай, – говорит она девочке. Но я не могу разжать пальцы. Они судорожно вцепились в гайку. И смешно, и больно.

– Сейчас выпростаем. – Тётя Луша берёт из ведра припорошенный снегом синий шарфик и трёт мою кисть. – Отпусти, нечистый, будь человеком!

И рука легко разжимается.

Продолжение следует.